

жокъ Станкевича издалъ въ Москвѣ книжку «Стихотворенія Кольцова». Книжка имѣла успѣхъ, имя Кольцова стало извѣстно. Будучи по дѣламъ отца въ Петербургѣ, Кольцовъ познакомился съ Ф. Н. Глинкою, Шевыревыми, и многими извѣстными лицами литературнаго міра. Въ 1836 году онъ познакомился съ Пушкинымъ, къ которому относился съ благоговѣніемъ; его памяти онъ посвятилъ свой «Лѣсъ».

Впечатлѣніе о Кольцовѣ въ петербургскомъ литературномъ кругу сложилось исключительное: дитя природы, скромный, сердечный! Н. А. Полевой пишетъ брату: «...мнѣ здѣсь холодно, какъ подъ полюсомъ, съ Кольцовымъ грѣлся я, какъ-будто у камина». Бѣлинскій отзывался о Кольцовѣ прямо восторженно.

Въ личной интимной жизни онъ былъ несчастливъ. Поэтъ полюбилъ первую любовью крѣпостную дѣвушку, жившую въ его семьѣ; та отвѣчала ему взаимностью. Отецъ Кольцова поступилъ

рѣшительно. во время отлучки сына дѣвушка была продана на Донъ. Значительно позже онъ полюбилъ Варвару Григорьевну Лебедеву, женщину красивую, умную, образованную. Нужда заставила ее разстаться съ нимъ. Еще ранѣе разлуки съ любимой женщиной, чувствовалъ Кольцовъ недомоганіе. Вскорѣ развилась чахотка. Отецъ поэта не давалъ денегъ на леченіе. Въ послѣднее время писалъ онъ мало.

29 октября 1842 года, 33 лѣтъ отъ роду Кольцовъ умеръ. Большой тоской звучитъ одно изъ послѣднихъ его стихотвореній: «На новый 1842 годъ»:

Но годъ прошелъ...

Тяжелый годъ, тебя ужъ нѣтъ, а я еще живу,

И новый тихо, безъ друзей, одинъ встрѣчаю.

Л. Ф. Волькенштейнъ.

Константинъ Коровинъ

МЕДИУМЪ

РАЗСКАЗЪ.

Помню однажды лѣтомъ въ деревнѣ Владимірской губерніи въ моемъ домѣ, который стоялъ у большого лѣса, гдѣ протекала внигу рѣчка Нерля, часто прѣзжали ко мнѣ мои друзья. И вотъ однажды вечеромъ, когда у меня гостили Федоръ Ивановичъ Шаляпинъ, художникъ Валентинъ Александровичъ Сѣровъ, композиторъ Терещенко, архитекторъ Мазыринъ и архитекторъ Кузнецовъ, Мазыринъ рассказывалъ за вечернимъ чаемъ, что онъ спиритъ и вотъ въ Москвѣ былъ замѣчательный спиритическій сеансъ. Среди другихъ спиритовъ и медіумовъ участвовалъ и онъ. Мы всѣ очень заинтересовались.

— Послушайте-ка, Анчутка-то оказывается спиритъ, — сказалъ Шаляпинъ. — Это вѣдь вещь серьезная.

Мазырина прозвище было Анчутка. Еще съ давнихъ поръ его прозвали въ школѣ живописи, ваянія и зодчества, гдѣ онъ проходилъ курсъ вмѣстѣ со мной и былъ мой школьный товарищъ. Былъ онъ небольшого роста, румянячкый. Имѣлъ круглые, черные глаза и если бы на него надѣть платокъ, то былъ бы просто вылитая дѣвица.

— И ты вѣришь, спросилъ я его, что спиритизмъ это не ерунда?

— Не только вѣрю, сказалъ Мазыринъ, но совершенно убѣжденъ. Последнее явленіе на сеансахъ въ Москвѣ, гдѣ присутствовали и иностранцы, была, братъ, матеріализація духа.

— Это что жъ такое? спросили его.

— Это трудно вамъ объяснить, отвѣтилъ онъ. Да притомъ я вижу, что вы смѣетесь, а смѣшиного здѣсь мало.

— Ну что же, ну что же было? спрашиваемъ.

— А вотъ что. Вотъ, когда мы сѣли всѣ за столъ и положили руки, то столъ постепенно началъ двигаться, потомъ прыгать, такъ что мы за нимъ всѣ бѣ-

гали, не отнимая рукъ, а потомъ онъ поднялся на воздухъ и стучалъ по полу. А по азбукѣ выходило «Аделаида». А Аделаида была тетка покойная хозяйки дома.

— Аделаида, сказалъ Шаляпинъ. Это, чортъ его знаетъ, какое-то иностранное имя. Ну и что же?

— А гитара, которая стояла въ углу комнаты далеко, поднялась, полетѣла по воздуху и надо мной прозвонила: «трамъ-трамъ-трамъ».

Мы смотрѣли въ удивленіи. Спрашиваемъ:

— Прямо пролетѣла по воздуху безъ веревки... Ну это замѣчательно. И трамъ-трамъ-трамъ... Это ловко.

— Ты значить медіумъ? спросилъ Шаляпинъ.

— Я-то не медіумъ, сказала Анчутка, но тамъ былъ одинъ изъ Швейцаринъ, такъ видно, что медіумъ. У него изъ рукъ, когда мы сомкнулись, такъ и сыпались искры.

— А вотъ тутъ у насъ, говорю я, въ лѣсу есть курганъ, древній курганъ должно быть. Весь онъ заросъ густымъ ельникомъ, высокій. И тамъ вотъ ночью огонь показывается и ходитъ. И видѣніе въ бѣломъ. Много разъ видѣли. Вотъ сейчасъ я позову, у меня здѣсь два пріятеля охотника пришли узнать, такъ какъ на завтра мы на охоту пойдемъ. Такъ вотъ они вамъ расскажутъ, какая здѣсь штука кажется.

— Я позову охотниковъ.

Одинъ изъ нихъ былъ Павелъ Груздевъ, а другой Герасимъ Дементьевичъ Таракановъ. Охотники народъ смысленный. Пошелъ я къ нимъ и сказалъ:

— Вотъ что. Сегодня у кургана, гдѣ огонь кажется, тамъ жуткое мѣсто, надо взять, Герасимъ, у меня банку, знаешь сухой спиртъ, который я беру на ночь рыбу ловить. Ты пойдешь туда, отъ

дорожки-то направо кургана, да возьми съ собой простыню, я тебѣ дамъ, зажги въ кустахъ спиртъ, а передъ нимъ встань самъ, да простыню-то надъ собой, вотъ такъ, руками высоко подними. Да немного качайся. А когда я крикну: «Идетъ», ты впередъ такъ передъ огнемъ-то прыгни, и опять стой на мѣстѣ. Когда Шаляпинъ къ тебѣ близко подойдетъ, то ты кинься на него. А ты, Груздевъ, затупи спиртъ. Поняли?

Они смѣются.

Рассказывали за чаемъ друзья мои, охотники, что страсть такая у кургана, прямо огонь. Герасимъ говоритъ:

— Шель я какъ-то, запоздалъ ночью, а огонь горитъ. Такъ мигаетъ. Я такъ сбѣлъ. Обернулся — онъ ко мнѣ ближе, весь бѣлый. Я думаю, что такое. Ужъ боюсь глядѣть. Только меня сзади какъ схватить за плечи и вотъ зачало трясти, прямо душу вытрясаетъ. Я говорю: «Господи! Расточатся врази», да бѣгомъ. А слышу за мной бѣжить. Я упалъ. Смотрю, бѣжить. И вскочилъ опять... Такъ на силу-то прибѣжалъ вотъ сюда, къ кухнѣ... Ну отстало. Вотъ сейчасъ-то шель другой дорогой, боязно той-то идти.

— Да, вѣрно, говоритъ Груздевъ, чего еще... мѣсто тутъ такое, что днемъ идешь къ кургану-то, вотъ за рыжиками, рыжиковъ тамъ много, такъ и то оторопь беретъ. Говорятъ въ старину-то въ курганѣ етому воеводу закопали, а онъ, знать, колдуномъ былъ. Такъ это вотъ его штуки.

— Вотъ интересно, говоритъ Анчутка. Надо сдѣлать цѣпь, сомкнуться и его вызвать. Не иначе, когда онъ показывается, то это и есть матеріализація.

— Вотъ какая штука, говоритъ Шаляпинъ. Вотъ это вещь. Но что гитара надъ тобой летала и надъ тобой прозвучала «дзынь-брынь» — ты это врешь.

Шаляпинъ пошелъ къ видѣнію.

— Какъ хотите, сказалъ Анчутка.
 — Ну, дай честное слово, — говоритъ его пріятель архитекторъ Вася Кузнецовъ.
 — Честное слово, — говоритъ онъ.
 — Въ такомъ случаѣ, говорю я, не иначе, что ему открыто. У него свойство такое, натура, такъ сказать. Медіумъ... И поэтому надо будетъ идти къ кургану сегодня же.
 — Это вѣдь надо въ 12 часовъ, въ полночь это завсегда больше кажется-то. У насъ-то въ округѣ знаютъ. Вотъ тутъ въ Охотинѣ такъ часто видятъ. Старый баринъ жилъ, Полубояриновъ. Росту-то вотъ съ васъ, Федоръ Ивановичъ. Ну и сердить... Такъ онъ и по сейчасъ въ халатѣ тамъ по ночамъ ходитъ. Старики-то помнятъ еще, когда было право господское. Идетъ Полубояриновъ, старый ужъ, какъ увидитъ мужика, подзоветъ, спросить: «Ты что?» А онъ говоритъ: «Ничего, баринъ». Ну, дастъ ему по мордѣ и пойдетъ. Такой ужъ нравъ былъ. Нынче-то ужъ, конечно, этого нѣтъ. А то въ Хозаревѣ, въ оврагѣ, домъ стоялъ. Онъ и сейчасъ еще разваленный остался.

Сегодня ПЕРЕДЪ ЪДОИ ВЕЧЕРОМЪ
 ПИЛЮЛЮ
GRAIN de VALS
 СЛАБИТЕЛЬНОЕ, СПОСОБСТВУЮЩЕЕ
 ПОХУДѢНІЮ, РАСТИТЕЛЬНОЕ
 И ОПОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ.
 РЕЗУЛЬТАТЪ ЗАВТРА УТРОМЪ.

Тамъ по ночи-то всегда русалка поетъ. Днемъ-то она въ рѣку уходитъ, а по ночи въ домѣ пѣсни поетъ:

«Не ходи ко мнѣ, мой милый,
 «Нѣтъ крови во мнѣ живой!..»

Приближалось ужъ позднее время. Охотники пошли спать, а я рассказалъ всѣмъ, кромѣ Анчутки, что будетъ видѣніе.

Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи мы всѣ сходимъ съ террасы. Темная июльская ночь. Тишина. Большой сосновый лѣсъ темнѣетъ кучами среди мелкаго лѣса. Мы тихо идемъ дорожкой. Поворачиваемъ по тропинкѣ въ сторону кургана. Вдругъ...

— Смотрите, смотрите, кричитъ Анчутка.

Среди кустовъ, таинственно мелькая бѣглымъ пламенемъ, горитъ и какъ бы движется синій огонь.

— Сомкнемся скорѣе, сомкнемся! кричитъ Анчутка. Явленіе чрезвычайное. Это я сейчасъ же сообщу... Материализация духа!

И онъ заставляетъ насъ взять другъ друга за руки. Передъ огнемъ, какъ изъ земли, выросла высокая, таинственная освѣщенная фигура. Было, дѣйствительно, фантастично и неожиданно. Шаляпинъ задумчиво молчалъ, скрестивъ руки и опустивъ голову.

Шаляпинъ пошелъ къ видѣнію.

Анчутка бросился бѣжать.

— Стой, кричимъ мы — ты куда? бѣжать? — Ты все затѣялъ — стой!

И мы поймали архитектора Мазырина. Фигура свѣтилась. Шаляпинъ шелъ къ ней.

— Не ходи, кричалъ Анчутка, не ходи. Это материализация. Задушить. Непремѣнно задушить. Пойдемте отсюда скорѣй.

— Стой, говоритъ ему Василий Сергѣевичъ и держитъ Анчутку. Это ты все. Ты медіумъ... Твои штуки... съ чортомъ работаешь...

— Нѣтъ, нѣтъ, говоритъ Анчутка, захихавшись. Нѣтъ, не я. Это вотъ онъ, это Федоръ Ивановичъ. Въ немъ это есть... Должно быть, онъ. Онъ все молчитъ... онъ медіумъ!

Шаляпинъ подходитъ къ видѣнію и упалъ. Упалъ такъ, какъ умѣетъ падать Шаляпинъ: привыкъ на сценѣ. Къ нему бросился призракъ и все погасло. Настала тьма.

Анчутка кричалъ:

— Онъ погибъ... и хотѣлъ убѣжать опять.

— Стой, кричали ему. Ты все затѣялъ. Идемъ...

Мы подошли къ Шаляпину. Онъ лежалъ у дорожки на травѣ. Мы поднимали его. Онъ загадочно молчалъ. Анчутка держалъ его подъ руку и, волнуясь, говорилъ:

— Успокойся, успокойся, пожалуйста. Это материализация. Это ничего... успокойся...

— Въ чемъ дѣло? сказалъ Шаляпинъ. Что ты дрожишь?

— Да вѣдь какъ же, ты упалъ. Я испугался. Задушить!

— Когда упалъ? Да ты что, бредишь!

Пришли домой, сѣли у меня въ большой комнатѣ за столъ. На открытомъ воротѣ рубашки Шаляпина были на шеѣ два красныхъ пятна. Анчутка отозвалъ меня въ коридоръ и съ испуганными черненькими глазами говорилъ мнѣ:

— Посмотри... Ты видѣлъ. На шеѣ пятна. Онъ его душилъ. Хорошо, что мы пришли во время. Я сейчасъ ѣду. Я сегодня же къ утру все доложу нашему спиритическому обществу. Мы всѣ сюда пріѣдемъ.

Какъ ни уговаривали мы Анчутку остаться, онъ не могъ успокоиться и уѣхалъ рано въ Москву, когда мы спали.

Черезъ три дня, утромъ получая газеты со станціи, мы прочли въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Русскомъ Словѣ», въ «Новостяхъ Дня» сообщеніе «Видѣніе Шаляпина». Опять черезъ два дня было написано краткое сообщеніе, гдѣ сообщалось, что швейцарскіе спириты выѣзжаютъ въ Россію на мѣсто явленія спиритической материализации видѣнія Шаляпина. Мы Шаляпину говоримъ: «Медіумъ».

— Ну, медіумъ, будили мы его утромъ, пора вставать. Пойдемъ купаться.

Кузнецовъ, пріѣхавъ въ Москву, рассказалъ въ обществѣ актеровъ все, какъ было. Анчутка, узнавъ, обидѣлся ужасно, такъ какъ ѣхали иностранные спириты и въ Москвѣ вышла маленькая книжка «Видѣніе Шаляпина» и успѣшно продавалась во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и вся Москва, отъ мала до велика, спрашивала:

— Слышали, Шаляпинъ-то, медіумъ. Вѣдь это что такое. Сколько одному отпущено. А? А я вотъ, хоть тресни... ничего не видалъ.

Ловкій предприниматель, авторъ книжки, былъ доволенъ. Нажилъ. Спрашивали издателя:

— Что вы написали, «Видѣніе» вѣдь это оказалось вздоромъ. «Русское Слово» само опровергло. По рассказамъ очевидцевъ это была шутка.

— Ну, что вы хотите, какая шутка. Мнѣ же самъ лично говорилъ не кто-нибудь, а медіумъ, архитекторъ Мазыринъ, человекъ почтенный. Я тутъ не при чемъ.

Константинъ Коровинъ.

LA RUSSIE ILLUSTRÉE

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

РОССІЯ

АЛЕКСАНДРЪ I

король сербовъ, хорватовъ и словенцевъ,
убитый 9 октября в Марадѣ

Контора проситъ г.г. подписчиковъ съ разсрочкой подписной платы, а также срокъ подписки которыхъ истекаетъ 1 ноября, озаботиться внесениемъ очередного ноябрьскаго платежа, во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала.

Л. Ф. Волькенштейнъ

Поэтъ земли

Къ 125-лѣтію со дня рожденія А. В. Кольцова

Выдающіеся русскіе писатели и поэты конца восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтія, въ большинствѣ своемъ, происходятъ изъ дворянскихъ семей, которыя въ тѣ годы пріобщились уже къ европейской культурѣ.

Петербургъ и Москва были колыбелью славной плеяды писателей и почти всѣхъ извѣстныхъ поэтовъ.

Столицы — умственные центры Россіи — и просвѣщенная семейная среда давали полную возможность развиваться, нарождающимся талантамъ.

Тѣмъ удивительнѣе было, когда юный сынъ Воронежскаго прасола Василія Кольцова — Алексѣй, помогавшій отцу въ торговлѣ скотомъ, учившійся въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ немного болѣе одного года, сталъ въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ писать стихи, обратившіе вниманіе мѣстныхъ ревнителей русской литературы.

Мѣстный книготорговецъ Д. Кашкинъ, человекъ несомнѣнно просвѣщенный, любитель книги — обратилъ вниманіе на молодого человека, покувавшаго въ его книжной лавкѣ сочиненія Ломоносова, Богдановича, Державина. Д. Кашкину повѣдалъ Кольцовъ, что самъ пишетъ стихи, познакомилъ его съ первыми своими твореніями и пріобрѣлъ въ лицѣ начитаннаго книготорговца добраго совѣтника: онъ давалъ, начинающему поэту, полезныя указанія, познакомилъ съ стихосложеніемъ и предоставилъ ему безвозмездное пользованіе своею обширною библіотеккой. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Кольцовъ учился, много читалъ любимыхъ поэтовъ и его творчество развивалось.

Рядомъ съ этими занятіями жизнь Кольцова проходила въ неустанномъ трудѣ, въ сѣрой мѣщанской обстановкѣ:

Скучно и нерадостно Въ суетныхъ занятіяхъ
Я провелъ вѣкъ юности Не видалъ я красныхъ дней.

Природа, среди которой жилъ Кольцовъ, одухотворила даръ его творчества и почти все имъ написанное за недолгую его жизнь прекрасно, полно чувства, искренне, естественно, писано отъ души.

На лонѣ природы выросъ поэтъ земли Кольцовъ. Любовью къ ней онъ весь былъ проникнутъ и еще болѣе восторгался человекомъ:

Всѣ творенья въ Божьемъ мірѣ
Такъ прекрасны, хороши!
Но прекраснѣй человека
Ничего нѣтъ на землѣ.

На поэтическую душу Кольцова оказала большое вліяніе степь, ей посвящалъ онъ много чарующихъ словъ:

Весною, степь зеленая
Цвѣтами вся разубрана,
Вся птичками летучими,
Пѣвучими полнымъ-полна.

Вспоминаетъ онъ и ночи пасмурныя.....
Въ степи и пасмурно и темно:
Ни звѣздъ блестящихъ, ни луны

А. В. КОЛЬЦОВЪ.

На небѣ нѣтъ... И тишины
Ночной ничто не нарушаетъ.

Поэзія Кольцова посвящена, главнымъ образомъ, сельской природѣ, русскому деревенскому быту, его работникамъ — пахарю, косарю. Онъ зналъ народъ, его радости и горе, его нужды — зналъ всю его жизнь:

...Пашенку мы рано Съ тихою молитвой
Съ сивкою распашемъ, Я вспашу, посѣю:
Зернышку сготовимъ Уроди мнѣ, Боже
Колыбель святую. Хлѣбъ — мое богатство.

Одухотворенный народный поэтъ проникалъ и въ душу человеческую, въ душу селянина, которая рвется къ волѣ, къ жизни:...

Раззудись плечо! Размахнись рука!..

Много содѣйствовалъ успѣху Кольцова — сынъ Воронежскаго помѣщика Николай Владиміровичъ Станкевичъ, блестящій по уму, образованный и вліятельный среди московской учащейся и мыслящей молодежи. Онъ случайно узналъ о мѣстномъ поэтѣ Кольцовѣ, познакомился съ нимъ, ему Кольцовъ передалъ, все имъ написанное, и Станкевичъ рѣшилъ познакомить читающую публику съ «самороднымъ поэтомъ». Благодаря Станкевичу, Кольцовъ завязалъ литературныя знакомства, — познакомился съ Бѣлинскимъ и вошелъ въ кружокъ Станкевича. Въ 1835 году кру-